

Кто изменил социализму? (Большевизм и социальная демократия в России)¹

1

Большевикам удалось убедить почти весь цивилизованный мир, что они единственные подлинные социалисты и что та политика, которой они придерживаются в России, — есть самый настоящий, последовательный социализм. Большинство, — пожалуй, даже подавляющее большинство, — наших товарищей на Западе, ослепленное кровавой победой над всеми антибольшевистскими социалистическими партиями в России, поверило большевикам на слово, что вся социалистическая оппозиция состоит из людей, которые изменили знамени интернациональной социал-демократии, изменили русскому пролетариату и которые поэтому контрреволюционеры.

Что этот блестящий успех и проявление грубой силы могли произвести подобное впечатление на большинство товарищей на Западе — должно быть приписано, прежде всего, мировой войне, со всеми ее материальными и психологическими последствиями.

Значительно повлияло также и то чувство бессилия перед мировой катастрофой, которое овладело интернациональным пролетариатом и создало с его стороны некоторое предрасположение возлагать все свои надежды на внешнюю помощь и ждать спасения от какого-то всемогущего Мессии².

Но вряд ли можно сомневаться в том, что отношение большинства рабочих партий Запада к той жестокой войне, которую большевики ведут против русской социалистической демократии, следует приписать главным образом тому, что вожди этих партий недостаточно осведомлены относительно того, что касается внутреннего развития русского революционного движения в прошлом. За очень немногими исключениями, наши товарищи на Западе даже не подозревают, что победоносный военный заговор большевистских вождей и их неослабевающая кровавая война против остальной русской демократии — есть только последний фазис и трагическое завершение старой борьбы, происходившей в среде русских революционеров из-за следующего вопроса: что есть

главная основная цель русского революционного движения и его сознательных представителей?

Споры по этому поводу в восьмидесятых и девяностых годах [XIX века] вызвали резкий раскол в рядах русской радикальной демократии. Она раскололась на два враждебных политических лагеря, из которых один принял теоретические взгляды научного социализма, в то время как другой — продолжал держаться за те идеи, которые представляли основу программы и тактики этого движения в течение предшествовавших десятилетий.

В борьбе с приверженцами старых идей и в создании новой социал-демократической программы очень деятельное участие принимал Ленин. Но уже в 1905 году накануне нашей первой революции, он вместе с некоторыми теперешними вождями большевиков начал уклоняться с того пути, которым шла русская социал-демократия с самого своего возникновения до той поры, пока не выделились в независимую политическую партию. Продолжая идти по этой наклонной плоскости, Ленин и его партизаны, наконец, совершенно свернули в сторону — на этот раз под знаменем интернационального социализма — в сторону того представления о ближайших целях и стремлениях русской революции, которые преобладали в рядах русской радикальной демократии до распространения социал-демократических идей в России.

И если мы оставим в стороне чудовищные варварства и жестокости большевистского режима, мы без особенного умственного напряжения увидим, что смелый захват власти большевиками и их «коммунистическая советская республика» есть на самом деле не что иное, как попытка дать практическое приложение стремлениям и мечтам тех русских революционеров до социал-демократического периода, программу и тактику которых так резко критиковали последователи научного социализма, русские социал-демократы, среди которых был также и Ленин.

2

В до социал-демократический период русские революционные партии основывали свои идеи и теоретические принципы их программы и тактики на учении утопического социализма. Оно считало возможным введение социалистического строя в любой

исторический момент, в любой стране, совершенно независимо от степени ее экономического, политического и культурного развития. Ввиду того, что в России все еще существовала общинная форма крестьянского землевладения и что буржуазия, благодаря зачаточному состоянию русского капитализма была еще очень слаба, русские революционеры 60-х и 70-х годов прошлого столетия считали Россию исторически избранной страной, предназначенной сделать скачок прямо в социалистический строй без того, чтобы пройти чрез капиталистический фазис развития.

Чтобы сделать возможным этот скачок через пропасть, отделявшую страну, которая в экономическом и культурном отношении была еще в полуварварском состоянии, к обществу, организованному на социалистических началах, — наша радикальная демократия считала совершенно достаточным геройские усилия революционеров подготовить и организовать социальную революцию с целью помешать капитализму развиваться и окрепнуть в России и положить начало социалистическому строю.

Применяя социалистическую критику буржуазной революции и общественных отношений в западных капиталистических странах к самодержавной России, страшно отсталой экономически, с ее остатками крепостного права, с ее устарелыми общественными формами, унаследованными от времен крепостничества, — русские революционеры под влиянием утопического социализма стали относиться отрицательно к борьбе за одну только политическую свободу и демократическую конституцию. Они утверждали, что западный конституционный режим действует только на пользу буржуазных классов, открывает широкую возможность для их обогащения и укрепляет их владычество над народными массами. Поэтому с принципиальной точки зрения, — находили они, — недопустимо, чтобы русские социалисты тратили свои усилия и усилия народа только на то, чтобы добиться политических прав и вольностей, которые послужат на пользу только одним буржуазным классам и которые дадут этим классам возможность очень быстро «насадить» капитализм на русской почве. Чтобы исполнить свой долг по отношению к угнетенным и эксплуатируемым рабочим, чтобы предотвратить опасность очутиться в роли предателей по отношению к этим массам и к социализму — русские революционеры должны, — говорили они, — преследовать только одну

немедленную и практическую цель: подготовить и организовать социалистическую революцию.

Партия «Народная воля», которая была основана осенью 1879 года, попробовала держаться иного курса. Она сделала своим боевым лозунгом демократическую конституцию и начала героическую борьбу за нее с царским правительством. Но она недолго могла сохранить это положение. Основатели этой партии должны были пойти по новому пути среди напряженной революционной борьбы, когда оказалось практически невозможным переоценить и отбросить те идеи и принципы, которые наша радикальная демократия считала святыми, как символ веры, и которые представляли основу их отрицательного отношения к парламентским учреждениям и к борьбе за конституционное правительство.

Теоретическая основа старой программы революционной партии, которая с принципиальной точки зрения представляла собою прямую противоположность новой программе партии «Народная воля», осталась, таким образом, непоколебимой в глазах революционеров. И поэтому, немедленно после разгрома партии «Народная воля» в 1881 году, она отодвинула свои первоначальные практические цели на задний план и заявила, что ближайшей целью революционной борьбы в такой отсталой стране, как Россия, является ниспровержение существующего строя и введение вместо него социалистического строя.

Тем не менее партия сделала одно существенное изменение в своей тактической программе. В период, предшествовавший основанию партии «Народная воля», т. е. приблизительно в течение второй половины 70-х годов, русская революционная партия находилась под преобладающим влиянием социалистов-утопистов бакунинского типа. Бакунисты основывали свою практическую работу на тезисе, что «освобождение народа должно быть делом самого народа», т. е. что социальная революция должна быть подготовлена, организована и проведена усилиями самого народа. Для того, чтобы возбудить революционный дух в массах и расширить их революционную деятельность, бакунисты считали необходимым вовлечь их в борьбу с их местными и ближайшими угнетателями и организовать в связи с этой борьбой местные бунты и волнения как вступление к общему восстанию народа против существующего политического и социального строя. Я думаю, что читатели знакомы с идеей Бакунина. Победоносное восстание на-

рода должно снести до самого основания всю структуру государства и на развалинах его ввести анархию, т. е. совершенно автономные независимые группы, которые тогда начнут «снизу» создавать новую структуру общества.

Партия «Народная воля» выбросила за борт анархические цели и тенденции бакунизма, так же как и основной тактический принцип, которого бакунисты придерживались сообща с интернациональной социал-демократией, — именно, что необходимым условием освобождения рабочих масс от угнетения и эксплуатации должна быть их подготовка для роли организаторов и созидателей социальной революции. Под этим подразумевалось развитие их классового самосознания и их независимой общественной деятельности в связи с организованной защитой их повседневных интересов и их борьбой за конечные цели социалистического движения.

Члены партии «Народная воля», которые считали необходимым концентрацию всех революционных сил в подготовительной работе, которая должна была повести к социальной революции, — были противниками анархизма. Наоборот, они считали захват государственной власти революционерами самым необходимым условием для осуществления своих социалистических целей.

Они рассчитывали стать у кормила правления не с помощью широкого народного движения, не как результат такого движения, но благодаря усилиям радикальной интеллигенции, которая тогда представляла почти единственную опору революционных организаций — просто-напросто с помощью заговора.

Они рассчитывали, что когда они захватят власть и начнут вводить социалистические реформы, — только тогда они обратятся с воззванием к народным массам и попытаются поощрять их к политической деятельности.

Другими словами, в противоположность бакунистам, которые стремились произвести социальную революцию с помощью низших общественных слоев, подготовленных и заинтересованных в ней, партия «Народная воля» считала возможным устроить или, по крайней мере, начать революцию сверху. Посредством организованной конспирации, поддерживаемой единомышленниками из рядов интеллигенции, которая не только с социальной, но и с политической точки зрения стояла вне народных масс. В воззрениях партии «Народная воля» анархическая программа

и тактика бакунистов были заменены бланкизмом*, приспособленным к отсталым русским условиям.

Разложение обеих этих партий («Земля и воля» и «Народная воля»), истощение существовавших революционных сил, беспомощность остатков революционной партии, спасшихся от гибели и преследований, очевидная необходимость, прежде всего, положить конец старому режиму и добиться элементарных «прав человека и гражданина», вместе с теоретическими трудностями, которые стояли на пути к организации успешной борьбы за эти права, — все эти факторы в начале 80-х годов поставили пред русскими революционерами два неотложных вопроса.

Первый был: как можно теоретически санкционировать и оправдать эту борьбу с социалистической точки зрения. Другими словами — могут ли социалисты, без того, чтобы стремиться немедленно произвести социальную революцию, организовать и вести систематические нападения на царское самодержавие так, чтобы это принесло пользу делу социализма, и чтобы революция, для которой эти нападения на царизм прокладывают дорогу, вела к конечной цели — к совершенному освобождению трудящихся и эксплуатируемых масс?

Второй вопрос был: существуют ли в России — и если существуют, то где их можно найти, — те социальные силы, которые необходимы для успешного революционного нападения на царское правительство?

Ответ на эти вопросы был найден в принципах научного социализма, которые представляют теоретическое основание интернациональной социал-демократии, — даже там, где отдельные социалисты не сознают этого факта и даже склонны отрицать близкое духовное родство их партий с основателями научного социализма — Марксом и Энгельсом.

3

Согласно взглядам основателей научного социализма, учение которых имело своим базисом материалистическое понимание исторического прогресса человеческого общества, — два

* Слово «бланкизм» ведет свое начало от имени известного французского социалиста и революционера О. Бланки, который в середине прошлого столетия больше 30 лет просидел в тюрьме за многочисленные попытки захватить власть во Франции и ввести там социализм.

исторически необходимых фактора должны предшествовать успешной социалистической революции: высокая степень развития производительных сил общества и многочисленный, политически организованный пролетариат.

Оба эти предварительные условия представляют собою результат индустриального капитализма. Первое условие есть прямой результат; второе — отчасти прямой (естественный численный рост пролетарских масс), а отчасти косвенный, — создание в интересах самой буржуазии политических учреждений, благоприятствующих интеллектуальному и политическому развитию пролетариата и политической организации его сил.

Таким образом, пролетарские массы получают возможность подготовиться к выполнению своей исторической миссии — пересозданию общественного строя согласно принципам социализма. С этой точки зрения парламентаризм и демократизация государства кажутся гораздо более важными для пролетариата, чем для капиталистов, потому что при монархически-бюрократическом самодержавии он не имеет возможности открыто защищаться против экономической эксплуатации правящих классов, проявить экономическую независимость.

Поэтому-то Маркс и Энгельс считали обязательным для социалистов автократической Германии 40-х годов минувшего [XIX] столетия не только самим бороться за введение конституционного правления, но и поддерживать буржуазию в ее борьбе против феодально-монархического правительства страны. Всем известно, с каким едким сарказмом они отзывались в «Манифесте Коммунистической партии» о немецких социалистах-утопистах того периода, которые так же узко понимали политическую роль капитализма и так же отрицательно относились к этой борьбе, в особенности за конституционное правление, как и русские анархисты-бланкисты.

Духовные отцы современной интернациональной социал-демократии заклеямили реакционной политику немецких так называемых «истинных социалистов», когда накануне революции 1848 года эти последние отказали в своей поддержке немецкой буржуазии в ее борьбе против автократии. Маркс и Энгельс настойчиво доказывали, что интересы пролетариата и социалистического движения требуют, чтобы социалисты самым энергичным образом боролись против всяких пережитков средневековых отношений

в общественной и политической сфере, так как они мешают прогрессу капитализма и буржуазного общества; ибо только на почве сильно развитого капитализма в союзе с заранее установленным господством буржуазии может пролетариат начать свою работу за власть во имя социализма.

Во время борьбы против автократической монархии, во время борьбы за уничтожение привилегий старого общественного порядка на обязанности социалистов лежит исполнение особенной задачи — именно воспитание рабочих с целью сделать их способными захватить, после падения старого режима, наиболее прочные и благоприятные позиции, откуда они смогут наилучшим образом продолжать свою дальнейшую борьбу с самой буржуазией за влияние и власть в государстве.

Другими словами, задача их состоит в том, чтоб объяснить рабочим исторический смысл и важность борьбы против старого капиталистического режима, развивая в них классовое самосознание и организуя их передовые элементы в независимую политическую силу, способную защищать интересы своего класса и демократии вообще и превратить буржуазную революцию в исходный пункт для дальнейшей пролетарской борьбы против самого экономического базиса капитализма, за основание социалистического общества.

Эти взгляды основателей интернационального социал-демократического движения постепенно начали приобретать влияние среди русской радикальной интеллигенции в последней половине 80-х годов и в следующем десятилетии. В 1883 году в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа под именем «Группы Освобождения Труда». Во главе группы стояли Плеханов, первый русский теоретик и писатель, приложивший теорию научного социализма к русским условиям.

Читателям, быть может, будет интересно узнать, что наша группа* выбрала это имя потому, что в 80-х годах слово «социал-демократ» было для нашей радикальной интеллигенции синонимом чего-то антиреволюционного, даже реакционного. Все-таки наша «военная хитрость» принесла очень мало пользы — если вообще принесла какую-либо пользу — в нашей задаче распространения социал-демократического учения в России.

* «Группа Освобождения Труда» была основана в 1883 году Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и Л. Г. Дейчем.

Только после десяти лет активной пропаганды нам наконец удалось привлечь на свою сторону небольшое меньшинство молодых революционеров. В первых рядах молодых «новообращенных» был Ленин, который, отбыв срок ссылки в Сибири, вместе с Л. Мартовым и А. Потресовым приехал в 1900 году в Швейцарию, чтобы помочь «Группе Освобождения Труда» организовать широкую пропаганду наших взглядов, литературную и личную, и объединить существовавшие тогда силы молодой русской социал-демократии. Ленин принимал весьма деятельное участие в выработке и опубликовании партийной программы, которая была составлена Плехановым и которая впоследствии была принята партийным съездом в Лондоне осенью 1903 года.

Разумеется, не все революционные элементы присоединились к нашей молодой социал-демократической партии, но ее идея о задаче наступающей революции нашла всеобщее признание в рядах русской радикальной демократии. Эта последняя под влиянием социал-демократической пропаганды и роста рабочего движения в начале текущего столетия освободилась от теорий, которые являлись психологическим препятствием, мешавшим посвятить всю свою энергию борьбе за политическую свободу и демократические учреждения.

Демократическая интеллигенция рассталась со своей верой в особенность исторических судеб России и в то, что Россия, в противоположность западным странам, может перейти к социализму без того, чтобы пройти капиталистический фазис развития. Вместе с этой верой, унаследованной от Герцена, исчезли и старые аргументы наших бакунистов против борьбы за конституционную и демократическую свободу. Русская социал-демократия приняла, как аксиомы, три следующих тезиса, которые были теоретически разработаны, главным образом, в замечательных трудах Плеханова, начавших новую эру в истории русской демократии и русской общественной мысли.

1. Россия уже так далеко зашла в своем капиталистическом развитии, что идея помешать капитализму сделаться господствующим и решающим фактором в русской экономической жизни — праздная мечта. Повернуть назад колесо истории для того, чтобы совершенно восстановить натуральные экономические отношения докапиталистической России, — просто невозможно. Кроме того, такая утопическая попытка будет также ультрареакционной,

потому что порабощение крестьян помещиками и порабощение всего населения самодержавным царем держалось именно на этих натуральных экономических отношениях. С другой стороны, Россию еще невозможно спасти от капитализма посредством немедленной социальной революции. Условия, объективные и субъективные, созданные еще очень молодым русским капитализмом, далеко не достигли такой степени развития, чтобы попытка начать и закончить социальную революцию могла иметь какие-либо шансы на успех.

2. Величайшим препятствием на пути быстрого и нормального развития этих условий служит самодержавный режим со всеми своими устаревшими общественными формами, унаследованными от докапиталистического периода русской истории. Коренное уничтожение этого режима и создание вместо него демократического правительства, для того, чтобы ускорить и облегчить возникновение необходимых предшествующих торжеству социализма условий — есть главная и неотложная задача, стоящая пред русскими социалистами.

Как бы успешно и основательно они не исполнили ее, историческая сущность и ближайшие основные и общественные результаты будущей русской революции не подвергнутся никаким изменениям. Она будет носить характер буржуазной революции, потому что она не может повести к немедленному освобождению трудящихся масс от господства капиталистического класса. Социалисты должны выставить этот взгляд на первом плане своей пропагандистской и организаторской работы, и никоим образом не должны скрывать этого от рабочих масс.

Чем меньше иллюзий будет у последних относительно исторических возможностей наступающей революции, тем больше шансов будет на то, чтобы социалисты в течение этой революции добились наибольших результатов для народных масс, — наибольших, которых возможно добиться при данных условиях.

3. Но покончить навсегда со старым общественным и политическим режимом и в то же самое время добиться основательных улучшений условий жизни трудящихся, эксплуатируемых масс возможно будет только в том случае, если эти массы примут деятельное участие в революции под руководством более передовых элементов пролетарского населения городов. Эти массы должны быть организованы под интернациональным знаменем своего

класса; они должны понять свою миссию и важность победоносной буржуазной революции в России как первого шага на пути к их надлежащей организации и к политическому воспитанию для исполнения их миссии. Большие группы русских пролетарских масс экономически все еще связаны с деревней. Царский режим держал их на слишком низкой ступени политического и культурного развития, и они сравнительно малочисленны для того, чтобы быть в состоянии поднять восстание против всех других классов, против подавляющего большинства населения России и играть роль пионеров мировой социалистической революции.

Но, с другой стороны, русский пролетариат достаточно многочислен, чтобы быть в состоянии, соединившись с демократической интеллигенцией и крестьянством так же, как с другими прогрессивными элементами русского общества, — иметь решающее влияние на ход и результаты борьбы с самодержавием.

Следовательно, необходимо было возбудить в русском пролетариате сознание той великой роли, которую ему придется играть в буржуазной революции. Объяснить ему главную цель революции и организовать наиболее сознательные и передовые его элементы под знаменем социал-демократии. Чтобы эти элементы могли вести рабочие массы в борьбе за защиту их экономических и политических интересов как до окончательного удара старому режиму, так во время его революционной ликвидации.

Таковы вкратце были главные идеи, которые были основанием партийной программы, единогласно одобренной лондонским съездом в 1903 году. Тем не менее на этом же самом съезде Ленину удалось положить основание расколу в рядах партии. Расколу, действительное значение и тенденции которого так трагически, с такими губительными результатами для нашей революции проявились как в методах, с помощью которых большевики добились победы над своими противниками — социалистами, так и во всем большевистском режиме.

Ввиду *отсутствия всяких серьезных разногласий*³, раскол этот для девяти десятых делегатов конгресса был громом с ясного неба и проводился чисто бонапартскими приемами. Это указывало, что внутри самой партии образуется новое течение, враждебное основным идеям нашей партийной программы. Пишущий эти строки в то время и в прессе, и в частных разговорах указывал, что внезапный переворот без всяких серьезных причин, произведенный

на съезде Лениным, был весьма характерным симптомом. Но даже во время первой революции 1905 года действительные тенденции и «конечные цели» сторонников Ленина еще не приняли никакой определенной формы и не были высказаны в какой-либо отдельной программе, они даже не наметили определенно вождей своей группы. Только во время контрреволюционного периода, после кровавой победы, одержанной реакционным союзом царя, бюрократии и дворянства над первой революцией, большевистская группа отвернулась от старых программ и методов, и в конце концов совсем отбросила их.

За несколько лет до войны можно было легко заметить, что большевизм был не что иное, как воскресший бакунизм. Теперь, под знаменем социал-демократии и под прикрытием марксистской фразеологии, мы имеем странную смесь противоречивых программ, грубую, доселе неслыханную фальсификацию марксизма, с помощью которой большевикам удалось обмануть социалистический пролетариат почти всего мира и заручиться моральной и политической поддержкой западноевропейских товарищей своему контрреволюционному режиму, который с варварской жестокостью погубил все демократические завоевания мартовской революции [1917 года].

4. С первого же момента мартовской революции Ленин и его соучастники преследовали одну только цель: они старались всеми возможными средствами захватить власть. Лозунг «вся власть советам» был только идеологической маской, чтобы легче достигнуть своих целей. Советы, как выражение «диктатуры» пролетариата, должны были произвести социальную революцию в отсталой России, не совсем свободной еще от остатков средневекового варварства. Автономные советы должны были разрушить буржуазный строй «снизу» и водворить социализм.

Разве это не применение, в более или менее сокращенной и искаженной форме, мечтаний бакунистов семидесятых годов минувшего столетия?

И разве нельзя отличить в этом захвате власти большевиками воскрешенных идей русского бланкизма, которые преобладали среди русских революционеров после краха партии «Народная воля»?

Но в то время как программа и тактические идеи бакунистов и бланкистов были основаны на иллюзиях, которые составляли

часть их «социалистических» и революционных убеждений, большевики, полубакунисты и полубланкисты не имеют и этого оправдания. Даже теперь они кстати и некстати клянутся Марксом, забывая, что сам Карл Маркс и его последователи, включая и его русских учеников, всегда боролись против иллюзий, коренящихся в учении утопического социализма. В начале пятидесятых годов прошлого столетия, когда, во время ожидавшейся тогда второй революции, большевико-подобные тенденции захвата власти давали себя чувствовать в германском движении, Маркс открыто обвинял приверженцев этих заблуждений в том, что они льстят рабочим и преувеличивают способность рабочего класса взять на себя ответственность политической власти. От своего имени и от имени своих последователей К. Маркс заявил, что они считают своим долгом предостеречь рабочих против этих иллюзий. За такие взгляды К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Либкнехт и еще трое «контрреволюционеров», по терминологии большевиков, были исключены из лондонской организации, которая тогда была оплотом большевизма в германской коммунистической партии.

Маркс и Энгельс предвидели, что во время следующей германской революции могут возникнуть условия, которые сделают настоящим для их партии стать во главе правительства страны, но они смотрели на подобную возможность со значительным опасением. Они были убеждены, что пролетарская партия, вынужденная принять власть прежде, чем создадутся необходимые материальные и другие условия для успешной социалистической революции, прежде чем пролетарские массы достаточно созреют для того, чтобы пересоздать экономические отношения согласно принципам социализма — положение ее будет трагически-беспомощным. Потому-то они и были так, безусловно, против революционно-заговорческих планов германских большевиков начала 50-х годов прошлого столетия.

Нет никакого сомнения, что с тех пор, как в России зародилось социал-демократическое движение и начались его первые схватки со старыми революционными доктринами — русский капитализм сделал гигантские успехи. В то же время наш пролетариат развился и приобрел довольно значительное политическое значение. Но русский капитализм все еще сильно отстал от своего прототипа в западных странах, а интеллектуальное развитие русских пролетарских масс, пожалуй, еще больше отстало, если сравнить его

с развитием их западных братьев. Правда, у нас есть значительное число политически воспитанных рабочих, из среды которых вышли революционные борцы с высоким интеллектуальным развитием. Они могли бы стоять в первых рядах выдающихся вождей любой европейской социалистической партии, но громадная масса русского пролетариата едва ли стоит на высшем уровне по своему образованию и политическому сознанию, — чем германские рабочие середины прошлого столетия. Еще важнее тот факт, что наш промышленный пролетариат составляет весьма малую часть всего населения России и совершенно тонет в более чем стомиллионной массе крестьян, огромное большинство которых только начало выходить из полуварварского состояния.

И в обыкновенное время среди русских рабочих было много новых пришельцев из деревни, во время же войны прилив крестьян в промышленные центры принял громадные размеры. Сотни тысяч, а пожалуй, и миллионы наших рабочих добиваются не столько благосостояния пролетариев, сколько благосостояния крестьян, для которого требуется только достаточное количество десятин пахотной земли и необходимый скот и инвентарь. Наконец, надо не упускать из виду, что миллионы солдат, которые играли такую решающую роль в последней атаке рабочих против старого режима и которые потом сделались главной опорой советской власти, в огромном большинстве — крестьяне, понятия которых о политических вопросах очень примитивны и интеллектуальное развитие которых находится на очень низком уровне.

Сделать лозунг «диктатура пролетариата» в подобной общественной среде краеугольным камнем практической политики — значит подвергнуть весьма серьезной опасности жизненные интересы русской демократии, русской революции и, следовательно, интересы рабочего класса. Это должно быть ясно не только тем, которые претендуют на название «последовательных марксистов», но и всем разумным социалистам, сохранившим обыкновенное чувство меры, сознание действительности и ответственности за свои поступки. Не могло быть ни малейшего сомнения, что попытка применить этот лозунг на деле поведет только к диктатуре *над* пролетариатом тех лиц, которые ответственны за это движение, и будет иметь своим результатом режим всеобщего беззакония, насилия и анархии.

Такая перспектива не испугала большевистских вождей. Они лелеяли мечту о захвате власти еще задолго до революции. Ибо все

время после лондонского съезда, во время борьбы за индивидуальный контроль партии, они употребляли методы, которые психологически подготавливали их к приложению тех способов и средств, которые обеспечили им успех октябрьского переворота [1917 года], и благодаря которым они теперь держатся у власти. За недостатком места я не могу останавливаться здесь на этом фазисе истории большевизма. Упомяну только, что только низкий уровень политического воспитания, в связи с примитивными интересами и стремлениями широких масс, вытолкнутых войною в первые ряды революции, дал большевикам возможность осуществить свою давно лелеянную честолюбивую мечту. Не народное движение, подобное тому, которое во время первой французской революции привело к победе Монтаню⁴ над жирондистами, посадило на трон Ленина и его телохранителей; еще меньше сходства между большевистским переворотом и парижской коммуной 1871 года. Большевистская «революция» была просто военным заговором. Это было восстание не против реакции, как во время парижской коммуны, а против социалистической демократии, которая осуждала планы и методы большевиков.

Рабочие старой столицы России, став лицом к лицу с преступлением, уже совершенным большевиками против демократии и революции, отнеслись пассивно к совершившемуся факту, соблазненные большевистскими обещаниями немедленно превратить нашу землю в рай. Но очень скоро, особенно после насильственного разгона Учредительного собрания⁵ и расстрела мирных демонстрантов-рабочих, выступивших в его защиту⁶, рабочий класс стал разочаровываться и выказывать свое глубокое недовольство большевистским режимом. С этого момента «рабоче-крестьянское правительство» сделалось антирабочим и антикрестьянским. Оно обратилось в олигархическую группу, власть которой держится благодаря хорошо оплачиваемой армии опричников, созданной для защиты этой группы от внутреннего врага, и на многочисленной и также хорошо содержимой бюрократии. А народ... «народные» комиссары предоставили во власть этой армии красногвардейских наемников и чиновников.

И все-таки, несмотря на все это, европейские товарищи восхваляют большевистскую диктатуру, уверенные, что она выражает волю русского пролетариата и вводит коллективизм!..

Передовые элементы нашего пролетариата и их вожди протестуют против этого чудовищного злоупотребления именем русского

рабочего класса и его интернациональным знаменем. Они еще не отказались от надежды на моральную и политическую помощь со стороны их западных братьев, которые оказались настолько слепы, что оказывают всевозможную помощь олигархическому и анархическому режиму, повергнувшему Россию в пропасть и лишившему русскую демократию и русский рабочий класс всех человеческих прав до такой степени, о которой не мечтали даже во времена царской бюрократии. Факт, что у нас теперь нет другой прессы, кроме официальной большевистской прессы, совершенно неоспорим, а при царском режиме, даже во время войны, оппозиционные газеты, включая и газеты с социалистическими тенденциями, продолжали выходить.

Многие европейские товарищи, осуждая чудовищные кровавые поступки советского правительства, выражают мнение, что большевиков смягчает «колоссальная революционная миссия», которую они будто бы исполняют. Пусть социалистические партии Западной Европы выберут интернациональную комиссию, состоящую из представителей всех направлений, и уполномочат ее исследовать на месте же, в России, что такое на деле большевистский режим. Тогда — и только тогда — они будут в состоянии понять и увидеть, что *большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог.*

О большевизме и борьбе с ним ¹

Оценка, которую Вы даете большевистскому перевороту и большевистской диктатуре, всецело совпадает с той, которую дает и обосновывает О. Бауэр². С той только разницей, что у него она служит теоретической базой для санкционирования большевистского режима в России — на пользу Запада — и для отвержения его на Западе. Вы же признаете необходимость и обязательность для нас самой резкой борьбы против большевистской азиатчины. Так вот я и нахожу огромное несоответствие, прямо принципиальное противоречие между Вашей принципиальной оценкой исторического значения большевизма и той, в сущности, не просто